

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
<i>В.М. Алпатов.</i> Языковой аспект глобализации	6
<i>В.Г. Кузнецов.</i> Языки в эпоху глобализации: Интеграция vs идентичность	26
<i>Г.М. Вишневецкая.</i> Языковая глобализация и билингвизм: Status quo	41
<i>И.А. Гусейнова.</i> Русский язык как язык институционального общения	61
<i>Г.Е. Кедрова.</i> Глобализация и особенности англоязычного научного дискурса	73
<i>Е.Г. Беляевская.</i> Влияние процесса глобализации на научную коммуникацию: Национально-культурная специфика англоязычной аргументации	93
<i>Т.И. Шевченко.</i> Просодия современного английского языка в мультикультурном мире	110
<i>Р.К. Потапова, В.В. Потапов.</i> Функционирование «денглиша» в немецкоязычном сегменте Интернета	125
<i>Н.В. Петлюченко.</i> Влияние английского языка на современный нормативный статус немецкого языка: Klares deutsch oder denglisch?	150
<i>Р.И. Бабаева.</i> Глобализация в немецкой языковой картине мира: Семантика, словообразование, прагматика лексических единиц тематической группы	160
<i>Т.В. Писанова.</i> Подвижность границ полицентрического испанского языка в контексте процессов интеграции и дифференциации	168
<i>Д.Д. Трегубова.</i> Старописьменный монгольский язык и современный бурятский язык в глобальном контексте	178
<i>О.И. Максименко.</i> Глобальный нейминг как лингвистическая проблема	188

ВВЕДЕНИЕ

Сегодня все страны мира в разной степени охвачены процессом глобализации. Глобализация (от лат. globus – шар, фр. global – всеобщий) – объективный процесс формирования, организации, функционирования и развития принципиально новой всемирной, глобальной системы на основе употребляющейся взаимосвязи во всех сферах международного сообщества.

Понятие «глобализация» многогранно. В более широком плане – это перерастание национальных и региональных проблем в общемировые и формирование новой хозяйственной, социальной и природно-биологической среды.

Конкретными сферами глобализации являются нравственно-этические ценности, а также современная языковая ситуация.

Под глобализацией понимается расширение и углубление социальных связей и институтов в пространстве и времени таким образом, что, с одной стороны, на повседневную деятельность людей все более растущее влияние оказывают события, происходящие в других частях земного шара, с другой стороны, действия местных общин могут иметь важные глобальные последствия.

Глобализация предполагает, что множество социальных, экономических, культурных, политических и иных отношений и связей приобретают всемирный характер. Новым для современных процессов глобализации является распространение социальных связей на такие сферы деятельности, как технологическая, организационная, административная, правовая и др., а также постоянная интенсификация тенденций к установлению взаимосвязей через многочисленные сети современных коммуникаций.

Первоначально развитие взаимосвязей между народами и странами протекало в форме экспансии Европы, а затем Запада

в целом, поэтому глобализация означала, в сущности, европейскую, западную глобализацию. Ныне же процессы регионализации и глобализации охватили весь земной шар.

Глобализация требует соответствующего мышления, подхода к миру как к единому целому, что крайне необходимо для управления всеобщими проблемами, и постоянного политического диалога по жизненно важным вопросам, связанным с общей безопасностью и сотрудничеством.

Следует отметить, что глобализация – еще и важнейшая категория новой проблемной области. Однако ее лингвистическая значимость осознана учеными относительно недавно.

Лингвистика заинтересовалась глобализацией лишь в первые годы XXI в. – позже других гуманитарных дисциплин.

Взаимосвязь языка и глобализации в отечественной лингвистике сегодня подвергается интенсивному научному осмыслению.

В данном сборнике обсуждается общенаучный статус глобализации и строятся модели ее соотношения с языком в зависимости от избранного понимания глобализации как таковой.

Каким же образом связана глобализация с языком? Авторы полагают, что если мы хотим создать глобальное общество, то необходим глобальный язык, ведь язык – это средство общения, средство выражения мыслей. Язык служит коммуникации, это самый официальный и социально признанный вид из всех видов коммуникативного поведения. Значит, создавая глобальное общество, нужно обеспечить возможность беспрепятственной коммуникации в этом обществе.

В связи с глобализацией и быстрым развитием информационных технологий во всем мире резко вырос спрос на английский язык. Многие исследователи единодушны во мнении, что именно английский на данный момент является единственным претендентом на роль глобального языка.

Глобализация также нередко отождествляется с американизацией. Это связано с усилившимся влиянием США в мире. Голливуд выпускает значительную часть фильмов для мирового проката. В США берут свое начало мировые корпорации Майкрософт, Интел, АМД и др. Возникновение и стремительное распространение Интернета укрепляет позиции английского языка как глобального. Во всемирной Сети международное общение доминирует над общением национальным, и единый язык в этом плане незаменим.

В.М. Алпатов

ЯЗЫКОВОЙ АСПЕКТ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Аннотация. Глобализация в области языка заключается прежде всего в распространении английского языка как всеобщего языка межнационального общения. США используют на международном уровне методы, сложившиеся внутри страны. Процесс превращения английского языка в мировой язык облегчает процессы коммуникации, но приводит к стандартизации и унификации культуры. Это проявляется в том числе и в наметившейся тенденции рассматривать строй английского языка как эталонный.

Термин «глобализация» широко распространился не так давно, менее 20 лет назад, но обозначаемые им процессы идут уже достаточно давно. Они начали формироваться после Второй мировой войны и первоначально существовали в двух конкурирующих вариантах: американском и советском. После победы американского варианта в августе 1991 г., когда тогдашний президент России Б.Н. Ельцин официально признал западную систему ценностей, процессы глобализации, понимаемые как всемирное распространение принципов и жизненных укладов, формируемых в США, значительно ускорились. Разумеется, вместе с ускорением растут и сопротивление данным процессам.

Глобализация имеет и языковой аспект. Она немислима без нахождения общего языка в прямом и переносном смысле.

Человек имеет две языковые потребности; их можно назвать потребностью в идентичности и потребностью во взаимопонимании. Ему хочется постоянно использовать свой родной язык, освоенный в раннем детстве, тогда как другие языки (особенно если они выучены в школьные годы или позже) обычно осваиваются не полностью; помимо этого, родной язык в большинстве случаев

является языком своего этноса. Использование чужого языка часто является вынужденным и может в разной степени вызывать протест, что может компенсироваться престижностью этого языка. С другой стороны, при общении собеседников, в том числе владеющих разными материнскими языками, нужно искать взаимопонимание. Его лучший способ – наличие общего языка; им может быть материнский язык¹ одного из собеседников (что создает неравенство) или какой-то третий язык (собеседники равны, но носители третьего языка по рангу оказываются выше). Если хотя бы для одного из собеседников язык, на котором происходит общение, не является материнским, то его использование одновременно облегчает общение и вызывает у него (или у обоих) чувство неполноценности. Полное языковое равенство возможно лишь при употреблении языков вроде эсперанто, что обеспечивает позиции этого языка в мире, но все же знают его лишь несколько миллионов человек. Безусловно, равенство создается и при использовании переводчика, но оно далеко не всегда возможно и замедляет процесс общения. Подробнее об этом см.: (Алпатов, 2000, с. 5–11).

Глобализация, безусловно, предполагает максимальное удовлетворение потребности во взаимопонимании, в идеале, пока не достигнутом, на едином мировом языке. Это не означает обязательного отказа от употребления других языков, но их роль понижается. Вспомним, как еще недавно говорили о русском языке как всеобщем «втором родном языке» в СССР. Но нет нужды доказывать, что сейчас процесс глобализации в языковой области почти исключительно связан с распространением английского языка. Его международная роль намного превосходит аналогичную роль какого-либо другого из языков. Пожалуй, единственное заметное исключение – продолжающее существовать содружество франкофонных государств. Французский язык занимал ведущие позиции в колониальной империи Франции, что сохранилось и после получения колониями независимости, но уступил позиции в остальном мире.

В России привыкли к значительной международной роли русского языка. На нее влияли не только идеология, но и достижения науки и культуры; в 1960-е годы в Японии чуть ли не все студенты естественных специальностей пытались учить этот язык. Конечно, международная роль этого языка не исчерпана, но она

¹ Я избегаю термина «родной язык» из-за его многозначности. – *Прим. авт.*

уже давно находится в кризисе. На конференции Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ) в Италии в 2005 г. было сказано: «Ведь Россия больше не воплощает великую утопию. Теперь она стала такой же страной, как и все другие» (Глобус, 2006, № 5, с. 66). На этот счет могут быть разные точки зрения, но в Европе и США думают так, и с этим надо считаться.

За пределами своей основной территории язык может иметь четыре функции: функцию мирового языка, функцию регионального языка культуры, функцию контактного языка и функцию языка меньшинств. И в советское время, и сейчас русский язык имел и имеет все эти функции, однако соотношение между ними изменилось. Функция русского языка как мирового резко упала после 1991 г. Функция регионального языка культуры также уменьшилась, хотя в странах СНГ и Прибалтике она в той или иной мере продолжает сохраняться. В то же время в связи с развитием приграничной и челночной торговли, отдыха за границей, туризма и пр. усиливается контактная функция этого языка в сфере бытового общения. Также после распада СССР, когда часть русскоязычного населения оказалась вне России в положении национального меньшинства, усилилась соответствующая функция русского языка в ряде стран. Контраст с мировым значением английского языка очевиден.

Далее мы будем говорить лишь о роли английского языка в процессах глобализации. Эта роль стала настолько привычной, что младшим поколениям может казаться, что так было всегда. Так, например, всерьез считали участники летних лингвистических школ для московских детей. Но на самом деле международная роль английского языка уступала соответствующей роли французского и немецкого языков даже в первой половине XX в. Нынешнее положение сложилось лишь после Второй мировой войны. США заняли первенствующее место среди западных стран, во многом установив господство по другую сторону Атлантического океана, особенно в послевоенные годы, когда Европа еще не восстановилась после войны. Все это сопровождалось распространением английского языка не только в Европе, но и на других континентах. Достаточно назвать Японию, где процессы глобализации, в том числе в языковой области, начались со времен американской оккупации (1945–1952), а то и раньше: побывавший там в 1932 г. писатель Б.А. Пильняк отмечал, что в Японии происходит не

столько европеизация, сколько американизация (Пильняк, 1935, с. 112). Там с самого начала было установлено жесткое правило: все общение между японцами и американцами вести только на английском языке. И много позже видный американский японист Р.Э. Миллер писал, что в американском посольстве в Токио существует культ принципиального полного незнания японского языка (Miller, 1982, p. 195).

По сути, граждане США перенесли на мировой уровень языковые привычки, сложившиеся внутри страны. С одной стороны, внутри многонациональной страны единство нации всегда поддерживалось английским языком; распространилась идеология «плавильного котла» (melting pot), согласно которой любой приехавший в США человек должен стать американцем, в том числе обязательно овладев этим языком. Хотя сейчас с этой идеологией вроде бы конкурируют идеи мультикультурализма, но по-прежнему при подчеркнутom внимании к правам меньшинств там не пользуется никакой поддержкой такое меньшинство, как лица, не владеющие английским языком. С другой стороны, если в Европе, включая Великобританию, при обширных межгосударственных контактах всегда было распространено знание иностранных языков, то в США с самого начала преобладала самодостаточность, в том числе и в области языка. И если в СССР, а затем и в Европе старались сохранить малочисленные языки, то вопреки популярным в 1980–1990-е годы идеям о советском «языковом геноциде» нигде за XX в. не исчезло так много языков, как в США и Канаде. Как отмечали в 1930-е годы И. Ильф и Е. Петров, в Америке «забывают, что в основе развития народа лежит родной язык. В индейских школах преподают только белые и только на английском языке» (Ильф, Петров, 1961, с. 255). Но для США проблемы развития отдельных народов государства не существовало. Также вытеснялись и языки иммигрантов. Не говорившие по-английски люди оказывались на обочине¹; но и двуязычие, которое преобладало и преобладает у иммигрантов в первом поколении, многие связывают с бедностью и отсталостью: всерьез считают, что ус-

¹ Впрочем, незнание иногда оказывается необходимым: среди испаноязычных американцев английский язык считался языком для мужчин; женщины не должны были его знать, поскольку знание означало появление нежелательных интересов вне дома, а в семье нужен лишь испанский язык. Однако это, разумеется, не государственная, а внутриобщинная политика. – *Прим. авт.*

пешный американец должен знать лишь английский язык (Skutnabb-Kangas, 1983, p. 66).

В Европе, конечно, речь не идет о внедрении одноязычия, исключая, впрочем, Великобританию. Если до недавнего времени в Великобритании в отличие от США, было широко распространено знание иностранных языков, то теперь и здесь положение меняется. «Лейбористское правительство сделало изучение иностранных языков в школах учащимися старше 14 лет необязательным. В 2005 г. экзамен по иностранному языку в числе обязательных школьных экзаменов сдавали 61%, в 2010г. – 44%» (Глобус, № 20, 20 мая 2011, с. 27). Разумеется, среди причин выхода Великобритании из Евросоюза языковые причины не могли быть главными, но могло играть роль и то, что представители этой страны все чаще не знают языки стран ЕС.

Сейчас американизация языкового общения широко распространена в большинстве стран мира. Естественно, роль английского языка получает и «теоретические обоснования». Лорд М. Брэгг, например, писал: «80% знаний человечества сохранены на английском языке. Секрет успеха английского языка кроется в его невероятной точности, гибкости и способности адаптироваться для самых сложных задач» (Независимая газета, 2013). Это доказывают и некоторые русскоязычные авторы вроде М. Эпштейна.

Специально остановлюсь на ситуации в двух странах: Японии и современной России.

В японском языке издавна лексика четко делилась на два класса: исконные слова (ваго) и заимствования из китайского языка (канго), как правило, связанные с иероглифическим письмом. В XX в. появился третий класс: заимствования из западных языков, почти всегда из американского варианта английского языка, их называют *гайрайго*, для их написания используют не иероглифы, а особую азбуку *катакана*, что в письменном тексте сразу их выделяет. Большинство гайрайго появились после 1945 г.

Несмотря на то что гайрайго никогда не составляли большинства лексики (в газетах в среднем к ним в 60-е годы относились 4% слов, сейчас несколько больше), конкуренция синонимов почти всегда заканчивалась их победой над ваго или канго. Такой процесс начался еще до войны: например, еще тогда канго *hooka-shutaku* заменилось на *apaato* (из *apartment*) в качестве обозначения многоквартирного дома европейского типа (Iwabuchi, 1993, p. 8). Канго *Geppu* ‘кредит’ заменилось синонимом *kurejitto*

(Sotoyama, 1993, p. 53), канго *renketsu* ‘стыковка (космических аппаратов)’ уступило синониму *dokkingu* (*docking*). Даже канго *gyuunyuu* ‘коровье молоко’ (его не пили в Японии до европеизации) полностью вытеснено словом *miruku* (*milk*). Возможно и расхождение в значениях. Фотоаппарат когда-то называли *syashinki*, но теперь это разве что старомодный пластиночный аппарат, современная модель – только *kamera*. Львов именовали *shishi*, но теперь это лишь изображающий льва танцор на буддийских праздниках, а животное – *raion* (*lion*). В целом созданные до войны для передачи пришедших из-за рубежа явлений кальки (в большинстве канго) сейчас в значительной степени заменены гайрайго (Stanlaw, 2004, p. 79).

Среди причин успеха гайрайго, по-видимому, наиболее важны две. Одна из них связана с тем, что гайрайго обычно лучше понятны на слух, особенно по сравнению с канго, среди которых много омонимов; часто это помогает им вытеснить синонимы иного происхождения.

Но существенно и влияние глобализации. Постоянна ассоциация гайрайго с современностью и престижностью, а слов иного происхождения – с отсталостью и бедностью. В торговле, по выражению одного автора, гайрайго появляются там, где продают мечту (Sotoyama, 1993, p. 50). Как писал видный социолингвист Сибата Такэси, для многих слово, пишущееся катаканой, обозначает хорошую вещь (Shibata, 1993, p. 20). Человек, не употребляющий гайрайго, может выглядеть старомодным (Stanlaw, 2004, p. 268–269).

Это приводит к тому, что заимствуются не только термины и названия заимствуемых реалий, но и самые обыденные слова, которые не вытесняют прежние ваго и / или канго, но ассоциируются с современными процессами. Часто разграничение идет по признаку «наличие – отсутствие связи с массовой культурой глобализации», в основном потребительской.

Вот пример, с которым пришлось столкнуться мне в 80-е годы: японец, узнав, что я из СССР, рассказал, что он там не был, а вот его жена туда ездила, назвав при этом ее *waiifu* из *wife*. В японском языке более десятка слов (ваго и канго) со значением *жена*; казалось бы, зачем еще слово? Но если речь идет о действиях, не сочетающихся с традиционными правилами женского поведения (например, если жена путешествует без мужа), то уместно именно

wai fu, а, не скажем, *kanai*, что буквально значит *внутри дома* (слово, правда, не употребляемое в отношении своей жены).

В японском языке, разумеется, и до массового заимствования американизмов имелись слова со значением *вчера* и *завтра*, сохраняющиеся в обыденных ситуациях. Но в одной рекламе, где противопоставлялись автомобили вчерашнего и завтрашнего дня, *вчера* было обозначено обычным японским словом *kinoo*, а *завтра* – американизмом *toomoroo* (*tomorrow*) (Stanlaw, 2004, p. 299); см. также ресторан «Тоомогоо» в Токио. Новорожденный ребенок – *akachan*, но в товарах для новорожденных он будет *beebii* (*baby*) (Iwabuchi, 1993, p. 12). Такое особенно часто в торговле, но может встретиться и в иных сферах жизни. *Грамматика* по-японски *bumpoo* (канго), но японец в интервью, вспоминая свои уроки английского языка в школе, употребил слово *guramaa* (*grammar*) (Endoo, 1995, p. 13). Современная японка не купит кофточку мышиного цвета (*nezumi-ro*), но если назвать ее цвет *guree* (*grey*), то к ней отнесутся иначе (Stanlaw, 2004, p. 208). Ср. указание на то, что японские местоимения второго лица, уместные, скажем, в обращении жены к мужу, трудно употребить по отношению к бойфренду, и современные японки могут обращаться к нему *уши* (*you*) (Stanlaw, 2004, p. 105).

Слова класса гайрайго в большинстве своем тесно связаны с ценностями, идущими из США. Один из часто обсуждаемых примеров – своеобразный именной префикс *mai* из *my* ‘мой’ (он может иметь и значение ‘мой’, и значение ‘личный, частный’). Зафиксированы: *mai-kaa* ‘личный автомобиль’, *mai-hoomi* ‘частный дом’, *mai-peesu* ‘свой ритм, темп’, *mai-taun* ‘мой город’ и даже *mai-teguro* ‘мое Мэгуро’ (название пансиона в токийском районе Мэгуро) (Shibata, 1993, p. 20; Ekuni, 1993, p. 128). Не всегда, но часто префикс по значению указывает на нахождение соответствующего предмета в сфере личной собственности говорящего. Подчеркивается идея *privacy*, которая с трудом выражается средствами японского языка. Во внедрении этого префикса иностранные наблюдатели видят воспитание западного индивидуализма у японцев (Stanlaw, 2004, p. 18).

Это не всем нравится. Злоупотребления американизмами вызывают протесты зрителей, и полугосударственная радио- и телекомпания NHK иногда пытается их ограничить (NHK, 1984, 8, p. 20).

Однако общая тенденция, бесспорно, направлена в сторону экспансии американизмов. Чуть ли не каждое английское слово

может быть заимствовано в японский язык, хотя бы в составе сочетаний. По выражению одного из авторов, мы имеем дело не столько с заимствованием в обычном смысле, сколько с абсорбцией японским языком английского словаря (Passin, 1980, p. 55).

И в то же время отмечается парадоксальная, на первый взгляд, ситуация. Столь значительное число заимствований из английского языка, по крайней мере до недавнего времени, вовсе не означало для большинства японцев свободного владения английским языком. Граждане этой страны в этом уступали гражданам других азиатских государств, что еще в 90-е годы показывали международные исследования (Honma, 1995, p. 58; Loveday, 1996, p. 99; Gotlieb, 2005, p. 32, 70). Положение изменилось лишь в последние годы: с 2011 г. в Японии проводится реформа образования, главным компонентом которой является значительное увеличение преподавания английского языка на всех уровнях. И гайрайго в основном обслуживают определенные сферы жизни, более всего связанные с глобализацией, прежде всего престижное потребление и высокие технологии, а в остальном словаре их совсем немного, о чем я уже писал (Алпатов, 2001).

Теперь о России. Разумеется, престижность английского языка сейчас высока, а его преподавание по сравнению с советским временем заметно расширилось. Появляются и предложения, предусматривающие все большее распространение английского языка. Например, профессор РГГУ И.Г. Яковенко, предлагая программу «модернизации России», выделяет один из пунктов. *«Выход из гетто русского языка»*. Заметим, что русская элита со второй половины XVIII в. и до 1917 г. говорила на европейских языках. На первых этапах модернизации это терпимо. Сегодня ситуация, когда языком международного общения владеет узкий слой элиты, провальна. Ничего, кроме своекорыстного интереса элиты, за этим не стоит. Английский язык перестает быть языком иностранным и обретает статус языка международного. Он обязателен. Иностранные языки изучаются по желанию. Школа обеспечивает свободное чтение, понимание и общение. Разные курсы для освоения языка людьми старших поколений. Диплом о высшем образовании без свободного владения английским не выдается. Преподавание десятка предметов на английском языке, семинары и ответ на экзамене – обязательная норма системы высшего образования. Необходим один англоязычный канал национального телевидения. Англоязычные фильмы не переводятся, а титруются.

Практика показов детям мультиков по-английски и т.д.» (Яковенко, 2012, с. 14).

До этого, впрочем, в России далеко. Вот лишь один пример. Перед Олимпиадой в Сочи ее обслуживающий персонал 2,5 года учили английскому языку. Скрытая проверка перед началом соревнований обнаружила, что почти все эти люди не могли на нем объясниться (Независимая газета, 2013 а).

Тем не менее американизация российского общества идет, в том числе и в области языка. Это происходит, как правило, без каких-либо прямых принуждений, а с помощью мягкой силы. Вот первая попавшаяся газета – «НГ – антракт» (приложение к «Независимой газете»), посвященное вопросам искусства) за 8 февраля 2013 г. На четырех страницах издания находим: *дизайн-студия, диммеры, гостевой лаунж, тренды, бренды-стартапы, топ-10, провокационный маркетинг, гэги, ситком, скетчком* и пр. Здесь же *кастинг*, еще недавно называвшийся пробой. И плюс к этому совсем не переваренное: интернет-портал *Dezeen*, дизайн-студии *Nendo* и *NOTE*, ресторан (в Москве) *Claude Monet*, компания *Wastberg* и пр. И целые смешанные фразы: «Nendo сделала для Swedeze вешалку Ski»; «Для рейтинга нужны женщины, и посему мы становимся girl friendly». На какую аудиторию это рассчитано? Представляется, что во многом здесь расчет не столько на понимание каждого слова, сколько на его «имидж» (тут американизм уместен). Можно и нужно с этим бороться, но социальные и культурные причины здесь объективны: США и для России, как и для Японии, остаются эталоном высокого уровня жизни и исключительно развитого потребления, и язык тут – одно из ведущих средств американизации общества.

До мер, предлагаемых И.Г. Яковенко, пока далеко, но изучение английского языка делается все более обязательным. «ЕГЭ по иностранным языкам станет четвертым обязательным предметом уже в 2022 году» (Независимая газета, 2017). Хотя речь идет об «иностранных языках» вообще, но очевидно, что в подавляющем большинстве учащиеся будут сдавать английский язык. В этом случае «можно использовать термин «принуждение к английскому языку» (там же). Будет ли эта мера эффективной?

Вопрос: как оценивать столь большую роль английского языка в современном мире? Безусловно, как и в отношении других аспектов глобализации, оценка не может быть однозначной. Общение между носителями разных языков становится в обществе

XXI в. все более необходимым. В современном мире языков межнационального общения немало (внутри России и сейчас это прежде всего русский язык), но английский язык увеличивает распространение в этой роли. С этим надо считаться.

В зависимости от ситуации в той или иной стране роль английского языка может быть разной. Однозначно прогрессивную роль он, например, имел в ЮАР в годы национально-освободительной борьбы и продолжает сохранять сейчас. Долгое время официальным был африкаанс, язык нидерландских поселенцев, который ассоциировался с угнетением африканского большинства. Но это большинство не мог объединить и ни один из языков коренного населения: их много, их носители часто не понимают друг друга и ни один численно не преобладает. Самым нейтральным, но известным многим языком в этих условиях оказался английский. Сходна ситуация и в Индии, где многие языки пользуются правами на уровне штатов, но в масштабе всей страны нет ни одного языка, распространенного везде, кроме английского (если не считать мало кому сейчас известного санскрита, который, впрочем, также имеет официальный статус).

Однако всеобщее распространение английского языка имеет и много минусов. Многим не нравится его принудительное навязывание; к тому же способности к иностранным языкам у людей разные, и они жестко не связаны со способностями в иных областях. Он ассоциируется с распространяемой из США массовой культурой, привлекательной для одних и ненавистной для других, и с культурной стандартизацией. И самое печальное: в ряде случаев натиск английского языка может привести к вымиранию языка меньшинства. Идеология «плавильного котла», как отмечалось выше, не способствует сохранению малых языков (в Европе здесь ситуация лучше, поскольку начали принимать меры по их защите).

Но и если тому или иному языку не угрожает исчезновение, он начинает вытесняться из ряда культурных сфер, в том числе из сферы науки, включая науку о языке; это касается и русского языка. И в связи с этим я хочу поставить еще одну проблему, вроде бы далекую от того, о чем говорилось выше, но глубинно с ним связанную: как особенности строя английского и русского языка влияют на представления их носителей о языке и мире. Эти представления влияют на национальные лингвистические традиции, а во многом и на традиции других гуманитарных наук. Сразу должен сказать, что я не считаю научными иногда встречающиеся по-

пытки доказать, что английский язык лучше или хуже русского. Здесь следует избегать оценочности. Однако различия в строе этих языков объективны. И всеобщее распространение английского языка может привести к тем или иным изменениям в представлениях о мире носителей других языков. А каждый язык, как известно, создает особую картину мира.

Безусловно, разные науки по-разному соотносятся с языком, на котором сочиняется то или иное исследование. Считается, что естественные науки независимы от этого (или, по крайней мере, зависимы в минимальной степени). Но с гуманитарными науками дело может обстоять иначе. Сейчас нередко утверждают, что здесь существенным может быть влияние родного языка специалиста, которое может сохраняться и тогда, когда он пишет на чужом языке.

Я ограничусь вопросами языкознания, но приведу один пример из иной области. Вот что говорит в недавнем интервью директор Института философии РАН академик А.В. Смирнов: «Когда ты начинаешь говорить по-английски, ты что-то неизбежно теряешь. А может быть, даже и очень многое теряешь. Английский – это особый язык. Не случайно английская философия – это философия эмпиризма прежде всего. Она была и остается до сих пор философией, приближенной к естественным наукам. В отличие от континентальной традиции» (НГ – наука, 08.02.2017).

Великий лингвист и философ языка Вильгельм фон Гумбольдт еще в первой половине XIX в. разграничивал *мировоззрение*, независимое от языка, и *мировидение*, связанное с языком (Гумбольдт, 1984, с. 80). В 1934 г. видный иранист и теоретик языка В.И. Абаев писал об *идеологии, выраженной с помощью языка*, и *идеологии, выраженной в самом языке* (Абаев, 2006, с. 35). Идеология здесь понималась максимально широко, включая и обиходные идеи, сознательные и бессознательные. Мировоззрение (идеология, выраженная с помощью языка) может быть сохранено при переводе, а мировидение (идеология, выраженная в языке; языковая картина мира) не может не трансформироваться; в отличие от мировоззрения оно свойственно всем носителям некоторого языка в один и тот же момент времени.

Некоторые примеры мировидения, прежде всего в лексике, широко известны. Некорректен вопрос: «Как по-английски будет *рука?*», поскольку там два не синонимичных слова *hand* и *arm*. Русскому *давать* в английском более или менее соответствует *give*, но в японском языке соответствующих глаголов будет пять с

различными значениями. Такие различия выражаются в речи носителей языка независимо от их мировоззрения.

Но различия могут проявляться не только в отношении лексики, но и в отношении грамматики и даже фонетики; они могут отражаться не только в обиходных представлениях, но и в научном анализе. «Естественно... что когда лингвист переходит от описаний родного языка к построению общей теории языка, основные понятия построенной им теории часто сохраняют тесную связь с фактами, которые хорошо представлены в его родном языке» (Зализняк, Падучева, 1964, с. 7). Это может проявляться и в подходе к языкам, по строю отличным от родного.

Русское представление о грамматике хорошо отражено у А.И. Смирницкого: «Слово с лексической точки зрения не есть какой-то обрубок. Слово *окно* как лексема, как единица словаря, есть все же *окно* или, в известных случаях, *окна*, *окну*, *окна*, но не *окн-*» (Смирницкий, 1955, с. 14). Ненаучный эпитет «обрубок» точно передает интуицию носителя русского языка, для которого слово должно быть оформлено, т.е. иметь показатель словоизменения (хотя бы нулевой); «неоформленное» же слово, равное основе, ощущается как исключение, свойственное либо периферийной лексике, либо служебным словам, которые как бы и не совсем слова. Хотя А.И. Смирницкий по лингвистической специализации был германистом и много занимался как раз английским языком, но в общелингвистических работах исходил из представлений, привычных для носителя русского языка.

А вот полуплутовские рассуждения далекого от лингвистики носителя английского языка, видимо, все-таки отражающие привычные для него представления. «Собака будет “*der Hund*”. Возьмем теперь эту собаку в родительном падеже, и что же – вы думаете, это будет все та же собака? Нет, сэр, она станет “*des Hundes*”. Возьмем ее в дательном, и что же получится? Это уже “*dem Hund*”! Пропустим-ка ее в винительном. Она ни более ни менее как “*den Hund*”. Теперь предположим, что наша собака имеет близнеца и что эту сдвоенную собаку нужно просклонять во множественном числе. Что же, пока ее прогонят еще сквозь четыре падежа, она составит целую международную собачью выставку. Я не собачник, но ни за что не позволил бы себе так обращаться с собакой, даже если это чужая собака» (Твен, 1961, с. 485). Автор привык обходиться в своем языке без падежей, но их приходится запоминать при использовании немецкого (как и русского) языка.

И позволю привести рассуждения уже лингвиста, правда, носителя не английского, но близкого к нему по строю французского языка. В 1903 г. Антуан Мейе, рассматривая строй древних индоевропейских языков, писал: «Индоевропейский морфологический тип был чрезвычайно своеобразен и вместе с тем крайне сложен. <...> Слово являлось в нем лишь в сочетании со словоизменительными элементами. <...> В латинском языке для значения “волк” нет ни слова, ни выделяемой основы; есть только совокупность форм: *lupus, lupo, lupum, lupi, lupus, lupus, lupus, luporum, lupis* (перечисляются падежные формы слова – *В. А.*). Нет ничего менее ясного, чем подобный прием. <...> Все индоевропейские языки в большей или меньшей степени, одни раньше – другие позже, обнаружили склонность упразднить словоизменение и довольствоваться словами как можно менее изменяемыми, а в конце концов и вовсе неизменяемыми» (Мейе, 1938, с. 426–427). То есть для лингвиста – носителя французского (видимо, и английского) языка равное основе неизменяемое слово – норма, а развитое словоизменение – «своеобразный», «сложный» и «неясный» тип, от которого нужно избавляться.

Автор комментариев к русскому изданию книги Мейе Розалия Осиповна Шор справедливо писала: «Как понимание структуры отдельного слова... так и понимание структуры предложения древнейших индоевропейских языков не представляет с точки зрения русского языка – языка синтетического строя – тех затруднений, которые оно представляет с точки зрения французского языка – языка аналитического строя» (Шор, 1938, с. 500).

Европейская лингвистическая традиция складывалась на основе изучения древнегреческого и латинского языков, строй которых удивлял А. Мейе. В ходе исторического развития английский и французский (в меньшей степени немецкий) языки значительно изменили свой строй, значительно упростив морфологию, а русский язык в целом сохранил прежние особенности. И когда наука о языке в Европе стала отходить от античного эталона, она в разных странах пошла разными путями. Строй русского языка изменился меньше, и русская традиция изменилась меньше. В последней до сих пор важное место занимает изучение словоизменения, которое необходимо при описании русского языка; и у нас бывали попытки его находить и в каждом изучаемом языке, вплоть до китайского (Н.И. Конрад). А в англоязычной традиции важнее правила порядка.

Приведу некоторые примеры. В отечественной традиции синтаксис обычно понимается как совокупность слов (членов предложения) и синтаксических отношений между ними. Еще в школе нас учат проводить стрелки от главного слова к зависимому; такое представление синтаксической структуры называют грамматикой зависимостей. Направление анализа – от слова к предложению, а порядок слов существенной роли не играет: при изменении порядка синтаксические связи остаются теми же самыми. Это, вероятно, соответствует привычкам людей, для которых родной язык – русский. В западной науке такое представление структуры предложения встречается, его изображения с помощью стрелок называют «графами Теньера», поскольку их предложил французский лингвист Люсьен Теньер; он был славистом, изучал работы русских лингвистов и мог использовать их идеи.

Однако в англоязычной лингвистике преобладает иное представление синтаксиса, именуемое грамматикой составляющих, впервые разработанное Л. Блумфилдом. Предложение на каждом шагу делится на две части (составляющие), они в свою очередь делятся на части и т.д. Такая схема наглядно представляется не с помощью стрелок, а в виде скобок. Каждая пара скобок включает составляющую, пары скобок вкладываются друг в друга, но не пересекаются. Направление анализа – от предложения к меньшим единицам, часто при этом конечными единицами оказываются не слова, а морфемы.

Грамматика составляющих исходит из того, что составляющие в норме должны быть непрерывны, что, видимо, естественно для носителей английского языка, для которых существенно представление о корреляции между степенью синтаксической и линейной близости слов. Свободный порядок слов не предусмотрен в каноническом варианте грамматики составляющих и требует ее усложнения. С другой стороны, грамматика зависимостей требует обязательного членения текста без остатка на слова, что не всегда легко сделать. В грамматике же составляющих можно обойтись вообще без обязательного выделения слова.

В этом проявляется различие строя базовых языков. «Ясно, что русский язык, с относительно свободным расположением слов, менее удобно анализировать по непосредственным составляющим, чем английский; аналогично, для английского языка понятие дерева зависимостей является менее естественным, чем для русского» (Зализняк, Падучева, 1964, с. 7). В русском языке слова обычно

четко выделяются, их грамматические функции очевидны благодаря их «оформленности», а их порядок почти всегда свободен. Но грамматика составляющих естественнее для носителей английского языка с жесткими правилами словесного порядка и менее ясными границами слов. Здесь в отличие от русского языка слова часто получают синтаксическую роль лишь в зависимости от места в предложении.

И различия национальных вариантов видны в терминологии. Часто трудно дать стандартный и общепонятный английский перевод для привычных в России терминов; верно и обратное. Мне пришлось с этим однажды столкнуться. Я не смог опубликовать английский вариант своей статьи по японскому языку в международном издании из-за того, что в ней важное место занимало противопоставление *знаменательных слов* и *служебных слов*. Хотя в словарях можно найти переводные эквиваленты, но они неизвестны англоязычным лингвистам, поскольку там не приняты сами понятия, хотя в России эти термины употребляют в школе. Синтаксически самостоятельные слова могут называть *particles* или *clitics*, но можно ли так называть, скажем, вспомогательные глаголы? А русский термин *частица* уж по значению, чем *particle*. Общего же термина для самостоятельных слов, не являющихся *particles* или *clitics*, в английском варианте традиции просто нет. Мне предложили убрать не только термины, но сами понятия, что я не смог сделать. Русскоязычный вариант той же статьи не вызвал трудностей в публикации. А как перевести на английский язык *словосочетание*, *главное предложение*, *придаточное предложение*?

С другой стороны, до недавнего времени не имели точного русского эквивалента англоязычные термины *phrase* и *clause*. Первый из них – не то же самое, что *фраза* в русской традиции: *фраза* – более или менее – то же самое, что *предложение*, но *phrase* может быть словосочетанием и даже словом. Русскому термину *словосочетание* точнее всего соответствует как раз *phrase*, но не наоборот: словосочетание не может равняться одному слову. Такой подход, с точки зрения носителя русского языка, стирает важное различие между словом и словосочетанием. А термины *sentence* и *clause* покрываются термином *предложение*, не будучи синонимами: *sentence* может состоять из нескольких *clause*, но не наоборот. Термин *clause* близок к русскому *придаточному предложению*, но не идентичен ему: сложносочиненное предложение делится на *clauses*, но не на *придаточные предложения*. Наконец, термину

главное предложение, как и термину *знаменательное слово*, нет принятого эквивалента в английском языке. Таким образом, мы имеем два ряда терминов: *sentence – clause – phrase – word* и *предложение – словосочетание – слово*. Точного соответствия нет.

По-видимому, для носителя русского языка синтаксис – это, прежде всего, согласование и управление, выражаемые словоизменением. Такое представление естественно отражается и в том, что компонентами предложения признаются слова (любые или только знаменательные), но не словосочетания. Однако носитель английского языка, по-видимому, не привык находить опору в формах слов, тогда как их порядок для него почти всегда важен, а синтаксически наиболее тесно связанные компоненты в норме должны и стоять рядом. Поэтому русская традиция пошла по пути грамматики зависимостей и по пути разграничения главных и придаточных предложений, а англоязычная – по пути грамматики составляющих и выделения *phrase*.

Русский вариант европейской традиции устойчиво сохраняет представление о центральной роли слова среди единиц языка. Оно было таковым во всей европейской традиции тогда, когда она исходила из греческого и / или латинского эталона. Однако в западноевропейских вариантах традиции с XX в. слово начало отходить на задний план; позже оно стало вообще исчезать. Показательны включение морфологии в состав синтаксиса в генеративизме и некоторых других направлениях западной лингвистики и идея ряда современных западных лингвистов о едином морфосинтаксисе. Но в русском варианте традиции это встречается много реже.

Такие особенности, по-видимому, имеют психолингвистические корни, что подтверждают исследования речевых расстройств (афазий) и детской речи. «В русском языке операции с флексиями задействованы всегда; иными словами, даже лица с речевыми нарушениями обязательно используют какие-либо окончания, не оставляя глагол морфологически неоформленным» (Черниговская, 2013, с. 168). Это, разумеется, относится не только к глаголам. А при нарушениях механизмов мозга «морфологические процедуры почти не производятся: в ментальном лексиконе слова хранятся целиком, списком, без осознания их структуры» (Черниговская, 2013, с. 147). Дети, овладевающие русским языком, на одном из этапов овладения говорят «замороженными словоформами», постепенно осваивая словоизменение (Цейтлин, 2000, с. 84).